

УДК 811.161.1'373.612.2'42:821.161.1-3
DOI: 10.23951/1609-624X-2017-7-25-31

ТЕКСТОВАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ БАЗОВОЙ МЕТАФОРЫ «ВЕСНА – ЭТО ЖЕНЩИНА» (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. М. ШУКШИНА)

Е. А. Бурмакова

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск

Рассматриваются вопросы реализации антропоморфной метафоры «ВЕСНА – ЭТО ЖЕНЩИНА» в произведениях В. М. Шукшина. Проводится анализ авторских метафорических конструкций, вскрывающий устойчивую исторически обусловленную вербализацию образа женщины-весны в русском языке. Обсуждается способность базовой метафоры определять потенциальные направления смыслового развития индивидуально-авторских, окказиональных метафор в процессе текстообразования. В художественном тексте метафора «ВЕСНА – ЭТО ЖЕНЩИНА» актуализуется посредством антропоморфных семантических параметров «возраст», «внешность», «внутренние качества и поведение».

Ключевые слова: антропоморфная метафора, базовая метафора, миромоделирование, художественный текст, весна, женщина.

В современном языкознании метафора признается когнитивным феноменом, стимулирующим механизмы аналоговой репрезентации понятийных областей знания. Э. МакКормак отмечает, что «концептуальный процесс, порождающий метафору, распознает как сходные свойства референтов, на которых основывается аналогия, так и несходные, на которых строится семантическая аномалия» [1, с. 363]. Исходя из центрального в когнитивной теории тезиса о внедренности метафоры в мышление человека, внимание исследователей обращено на моделирующую роль метафоры, которая не только формирует представление об объекте, но и способна предопределять способ и стиль восприятия данного объекта. Особая роль в этом принадлежит ключевым (базовым) метафорам, «задающим аналогии и ассоциации между разными системами понятий и порождающим более частные метафоры» [2, с. 14]. Именно базовые метафоры, составляющие корпус устойчивых словосочетаний, идиом, высказываний, служат «для производства новых смыслов посредством преобразования концептуальных структур, для увеличения и обобщения объема знаний относительно слабопознаваемой области» [3, с. 23].

Текстообразование базируется на определенных принципах, охватывающих как глубинный (психологический) уровень, так и поверхностный уровень (вербальное отражение психологического уровня) текста. К числу текстообразующих средств относится и система метафор, «для которой характерны сильные внутритекстовые и внетекстовые связи» [4, с. 117]. Метафора, будучи мощным когнитивным механизмом осмысления и репрезентации реалий окружающей действительности, в процессе порождения текста способна побуждать ав-

тора к сознательному речетворчеству при выборе конкретной номинативной единицы из спектра возможных. Основания метафорических уподоблений (сфера-источник, основа метафоры) выступают в качестве «своеобразной призмы, высвечивающей определенные свойства сферы-мишени, маркируют в особой языковой форме их значимость» [5, с. 80]. Так, согласно постулатам теории метафоры [6] и принципу антропоцентричности, понятийные сферы Природа (сфера-мишень) и Человек (сфера-источник) вступают в продуктивное взаимодействие по принципу *als ob* («как если бы») [7, с. 68], порождающее бесконечное количество вариаций концептуальной метафоры ПРИРОДА – ЭТО ЧЕЛОВЕК. Продуктивность антропоморфной лексики как источника метафоризации объясняется тем, что «человек измеряет все формы бытия в масштабе своего опыта и знания и по своему образу и подобию» [7, с. 41]. Текстовая актуализация антропоморфной метафоры возможна с помощью образования «новых окказиональных метафор по существующей модели метафорического смыслообразования» [8, с. 167].

В произведениях В. М. Шукшина метафорическая интеракция понятийных сфер ПРИРОДА и ЧЕЛОВЕК зиждется на идее гармоничного сосуществования образов природного мира и человека. Миру природы отдан весь спектр человеческих качеств, характеристик, способностей. Одной из ведущих реализаций метафорического моделирования концептов ПРИРОДА и ЧЕЛОВЕК в текстах В. М. Шукшина выступает базовая метафора ВЕСНА – ЭТО ЖЕНЩИНА. Материалом исследования послужили 27 контекстов метафорического употребления номинации «весна», отобранных методом сплошной выборки из 146 опубликованных

произведений В. М. Шукшина. Для идиостиля В. М. Шукшина характерны колебания от прямых к непрямым обозначениям, в ряде контекстов наблюдается одновременное употребление прямого и метафорического употребления лексемы *весна*. Для наглядности приведем сводные данные количественного анализа лексико-семантического поля «Времена года» в произведениях Шукшина [9–14] (таблица).

Лексема	Прямое номинативное значение	Переносное значение	Общее количество репрезентаций
Весна	60	27	87
Весенний	12	7	19
Зима	69	6	75
Зимний	5	9	14
Лето	40	6	46
Летний	6	2	8
Осень	20	7	27
Осенний	15	2	17
Общее количество репрезентаций	227	66	293

По данным этимологического словаря русского языка Н. М. Шанского, лексема «весна» старославянского происхождения имеет одно значение – «время, когда живет хорошо» и является производным от той же основы (вес-), что и веселый [15, с. 67]. Шукшину, выходцу из деревни, свойственно придание особой значимости именно весне в связи с исторически обусловленной традицией людей участвовать в весенних сельскохозяйственных работах. Весна – благоприятный период для строительства (*Нормальные люди с весны строятся* [13, с. 247]), для того, чтобы сесть в тюрьму (*Хорошо, что я весной сел. Надо всегда весной садиться... Так весной сядешь – весной и выйдешь. Воля и весна! Чего еще человеку надо?* [11, с. 18]), чтобы начать «жизнь с чистого листа» (*И весна. Надо начать жить крупно...* [14, с. 151]).

Поскольку «специфика миромоделирующей силы метафорической номинации предопределяется особенностями ее семантической структуры» [16, с. 74], на первом этапе необходимо выделить семантическую структуру лексемы «весна» и выявить отнесенность номинации к лексико-фразеологическому фонду русского языка. В анализе задействованы современные и исторические лексикографические источники [17–24], а также издания различной дискурсивной принадлежности [25–34].

Существенно, что центральное номинативное значение слова «весна» в толковых словарях русского языка является единым универсальным – «время года между зимой и летом» [17], «название времени года, сменяющее зиму и предшествующее лету» [24]. В словаре В. И. Даля дано следующее

определение – «ж. одно из четырех времен года, между зимою и летом, по астрономическому счету, со вступления солнца в знак Овна, с 8 марта по 9 июня» [21]. Выявлены переносные значения: «1) молодость, расцвет жизни [24]; 2) весна жизни (о молодости)» [23]; 3) «пора расцвета, молодости» [19]. В Словаре антонимов русского языка лексема *весна* противопоставляется слову *осень* в переносном значении «увядание» [22]. В народе весну называют «благодатная», «всеоживляющая» [26]. В узусе устойчивыми являются сочетания: *радостная весна, ранняя весна, дружная весна, долгожданная весна, новая весна, веселая весна, весна в душе, весеннее настроение* [21, 23–25].

Уподобление «весна – женщина / девушка / лицо женского пола» лежит в основе огромного количества фразеологических сочетаний, входящих в корпус узуальных языковых средств русского языка. Широко распространенным является обозначение *Весна-красна* в народной поэзии, в пословицах и поговорках «*Весна красна, на все пошла*», «*Весна пришла – на все пошла*», «*Красна весна, да голодна*», «*Весна днем красна*», «*Весна красная, а лето отрадное*» [21], «*Весна красна цветами, лето – снопами, а осень – пирогами*» [27], в загадках «*На чужой стороне и весна не красна*», «*Наша весна красным красна*» [21]. *Весна-красна* интуитивно приравнивается к старорусскому выражению «красна девица», означающему «красивая девушка». Словарное толкование словосочетания «красная девица» (душа красная девица, чаще в форме «красна девица») — «типовой персонаж народных песен». Эпитет «красная», помимо значения «красивая», «прекрасная», в данном сочетании включает еще ряд смыслов, связанных с понятиями добра, высоких нравственных качеств (скромность, сострадание и т. д.)» [24].

Уподобление весны представительнице женского пола также сопряжено с идеей материнства: *Весна непостоянна, как мачеха: то повеет теплом, то нагонит холодов с севера* [25, с. 139], *Матушкой весной в цветном платице, мачехой зимой в одном саване* [21, с. 79]. Весне традиционно приписываются такие черты, как молодость: *Мы молодой весны гонцы, // Она нас выслала вперед* [27, с. 17], непостоянство: *Весна – что девушка: не знаешь, когда заплачет, когда засмеется* [21, с. 79], авторитарность: *Властно будит весна природу* [29, с. 23], *Осень прикажет, а весна придет свое скажет* [25, с. 174]. На фоне ассоциативно-смыслового родства осознается связь фразеологизмов с базовой для них метафорой, основанной на отождествлении весны как времени года с образом женщины.

Фразеологический фонд русского языка изобилует лингвистическими метафорами с номинацией

весна и глаголами со значением существования: быть, стоять (в значении иметь место), а также глаголами однонаправленного движения (идти, прийти, прийти, уйти, отойти), закрепленными в узусе русского языка и не вызывающими интерпретирующей дисгармонии у реципиента. Рассмотрим типологические контексты подобного употребления: **Стояла весна, и от этого еще хуже было на душе: холодно и горько** [9, с. 79]; **Помню, была весна...** [11, с. 39]; **Опять была весна** [13, с. 19]; **Весна пришла** [20], **Весна красна, на все пошла** [21, с. 78]; **Неслышно уходит весна, и почти незаметно приходит лето** [30, с. 18]; **Весна как раз пришла. У каждого своей работы...** [13, с. 19]; **Весна идет, весна идет** [30]; **Весна пришла к нам молодая, // Я здесь пою приход весны** [31]. В процессе порождения художественного текста культурно значимые элементы фразеологизмов, формирующие «поле культурно-общественной языковой памяти», перемещаются из памяти носителя определенной культуры в пространство создаваемого им текста [35, с. 18]. В произведениях В. М. Шукшина традиционный для коллективного представления образ женщины-весны обрастает новыми смыслами при подключении оригинальных ассоциаций автора как о самом времени года, так и о представительнице противоположного пола. Так, структура базовой метафоры ВЕСНА – ЭТО ЖЕНЩИНА задается структурой семантического поля «женщина», включающей все ипостаси женщины: природно-физические, физиологические, психологические, поведенческие, социально-статусные.

Рассмотрим метафорические фрагменты, являющиеся текстовым воплощением сочетания базовой метафоры ВЕСНА – ЭТО ЖЕНЩИНА и глагольной языковой метафоры *весна пришла*. **Между тем пришла желанная весна...** [13, с. 196]. **На дворе желанная, милая весна. Летел по улице, хрустел ледком, думал черт знает о чем, не заметил, что – весна** [14, с. 43]. Атрибуты «милая» (исходное значение: «славный, привлекательный, приятный, дорогой, любимый») и «желанная» (исходное значение: «такой, которого желают, ожидаемый») выражают положительную с мужской точки зрения оценку жены как идеальной спутницы жизни. **И вот пришла весна. Обычная – добрая и бестолковая, как недозрелая девка** [12, с. 2]. В данном контексте автор обновляет устойчивую смысловую связь при подключении дополнительных антропоморфных характеристик (внутренних и внешних качеств), вербализованных посредством ряда прилагательных, формирующих противоречивое оценочное суждение. Системность употребления атрибутов *добрый* (исходное значение: «делающий добро другим, отзывчивый», «несущий благо, добро, благополучие») и *бестолковый* (исход-

ное значение: «непонятливый, глупый, несообразительный») относит их к разряду культурно маркированных: прилагательные объективируют стереотипные представления о типичных характеристиках русского национального персонажа мужского пола. СобираТЕЛЬНЫЙ мужской персонаж русских сказок – Иванушка-дурачок, который глуп, ленив, совершает необдуманные, спонтанные поступки, продиктованные добротой, избыточной сентиментальностью и состраданием к окружающим. **Никогда такого глупого не видал! Пойдем, я тебя жене своей покажу! Повел его к себе в берлогу. Иванушка идет, дверью за сосны задевает** [32, с. 3]. Аналогичные характеристики находим в классической прозе XX в.: **Больше всего была безнадежная жалость к Николаю Ивановичу: был он хороший, добрый, бестолковый человек... Любить его надо было таким, какой он есть...** [33, с. 76]. Современный автор Э. Успенский в сатирическом стихотворении высмеивает чрезмерную родительскую опеку и ее последствия: **«Так что Вова Сидоров / Вырос просто будь здоров! / В двух словах он был таков: / Глуп, ленив и бестолков»** [34]. Исследование лексических коннотаций, вскрывающих стереотипы национальных характеров, позволяет выявить типичные мужские референции в сознании носителей русского языка: *бесшабашный, щедрый, ленивый, необязательный, простодушный, бестолковый, неорганизованный, бесцеремонный, гостеприимный, радушный, добрый, отзывчивый, отважный* [36, с. 9]. В рассматриваемом контексте образ *женщина-весна* обретает не свойственные в русской литературной традиции женщине черты. В этой связи необходимо отметить особый статус наименования «девка»: данная лексема актуализирует семантические признаки «возраст», «социальный статус». По данным словарей, слово «девка» в первоначальном значении относится к разговорному стилю речи и является синонимом слова «девушка», означая «лицо женского пола, достигшее физической зрелости, но не состоящее в браке». Второе значение можно рассматривать как устаревшее – «крестьянская девушка» [17, 18, 23, 24].

Традиционно флористическая лексика занимает одно из ведущих мест в интерпретации жизненных этапов человека: человек подобен плоду и проходит все стадии развития: рост, цветение, зрелость, увядание [37, с. 74]. Метафора ЧЕЛОВЕК – ЭТО РАСТЕНИЕ, реализуемая посредством лексем *зреть, созреть, цвести, отцвести*, восходит к концептуальной метафоре ЧЕЛОВЕК – ЭТО ПРИРОДА. Наличие в сравнительном обороте *как недозрелая девка* отглагольного прилагательного растительной семантики «недозрелый» позволяет рассуждать об обратимости метафорической кон-

цептуализации понятийных сфер ПРИРОДА и ЧЕЛОВЕК в пределах одного текстового фрагмента. Очевидно, что именно номинация *девка* нейтрализует стабильную маскулинную коннотацию прилагательных *добрый, бестолковый* и служит мотивирующим основанием для базовой метафоры ВЕСНА – ЭТО МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА. Таким образом, вариативность интерпретации метафорической номинации в аспекте ее гендерной принадлежности аннулируется, и читатель движется в заданную автором смысловую плоскость.

В следующем фрагменте наряду с узуальными приемами персонификации весны как времени года автор оперирует альтернативными способами метафорической номинации, объективированной с помощью языковых средств: глаголов со значением положения в пространстве, глаголов однопавленного движения и атрибутами, обозначающими внешние характеристики и внутренние качества человека. *Стояла весна, и от этого еще хуже было на душе: холодно и горько. <...> Еще он любил весну, когда она только-только подступала, но уже вовсю чувствовалась даже утрами, сердце сладко поднывало – чего-то ждалось. Весны и ждалось. И вот она наступила, та самая – нагая, раздрыганная и ласковая, обещающая земле скорое тепло, солнце... Наступила...* [12, с. 2]. Здесь прямое и не прямое обозначение времени года *весна* сосуществуют, личное местоимение женского рода *она* и определительное местоимение *самая* идентифицируют весну в аспекте гендерной принадлежности. Добавочные семантические признаки актуализируются посредством общеупотребительных прилагательных антропоморфной семантики «нагой» (исходное значение: «не имеющий на себе одежды; голый»), «ласковый» (исходное значение: «полный ласки, проникнутый нежностью») и атрибута «раздрыганная» (исходное значение: «находящийся в состоянии крайнего беспорядка, путаницы, сумбура»). Подобное сочетание многополюсных характеристик женщины, несущих положительную (*ласковая*), нейтральную (*нагая*) и пейоративную (*раздрыганная*) окраску, репрезентирует субъективно-авторский типаж крестьянской красоты. Автор словно демонстрирует панораму трудовых будней рядовой женщины-крестьянки: высокая, крепкая женщина средних лет вовлечена в трудовой процесс, с легкостью выполняет физически сложную работу наравне с мужчинами (посевная, уборочная и пр.). Женщина босая, подол платья заправлен за пояс, пряди темных волос выбились из-под косынки, покрывающей ее голову. У женщины красивое светлое лицо, глаза излучают доброжелательность, на лице одухотворенное, умиротворенное выражение. Этот образ носит собирательный характер, он списан с главных ге-

роинь фильма «Любовины» (1971), снятого по одноименному роману В. М. Шукшина (1965), с обложек журналов «Работница», «Крестьянка», с советских плакатов 50–60-х гг., а также основан на личных ассоциациях. Минимальное внимание к репрезентации «идеальной» физической красоты уступает место интересу к внутренней красоте, женственности, специфическим поведенческим особенностям.

Аналогичным образом интеракция стертой и базовой метафоры ВЕСНА – ЭТО ЖЕНЩИНА актуализирует смысл сезонной цикличности, необратимости закономерных природных процессов: *Только парню не хотелось слушать. Подошел к окну, долго всматривался в темень. Сказал, как очнулся; – Все равно весна скоро. – Придет, никуда не денется* [10, с. 45]. Здесь достаточно жестко определяется модель поведения женщины в условиях патриархальных отношений в семье и советском обществе в целом. Кроме того, приоритеты поведения по отношению к женщине, стереотипные представления о стандартах женской красоты в советской культуре актуализируются в тексте на уровне переноса физических качеств человека на время года *весна*. В этом отношении примечательна глагольная метафора *весна работала*, реализованная в нескольких фрагментах. *Весна работала на земле. Могучая, веселая сила ее сулила скорое тепло, жизнь* [13, с. 196]. *А за окном все шлепало и шлепало в подоконник. И заметно согревалось окно, Весна работала. Солодовников почувствовал острое желание действовать* [14, с. 156]. *Егор любил безобидные девичьи песни под гармошку. Глухими весенними ночами, когда слышно, как на земле вовсю работает весна, мог подолгу неподвижно сидеть в своей ограде на ослизлом бревне – слушать* [13, с. 41]. Идея «трудоспособности» *весны* развивается в тексте за счет употребления лексических номинаций *работать* (исходное значение: «действовать, быть в действии»), *сила* (исходное значение: «источник, начало, основная (неведомая) причина всякого действия, движенья»), *могучий* (исходное значение: «обладающий большой физической силой, свидетельствующий о крепком здоровье»). На первый план выдвигается физическая сила женщины, способность к выполнению тяжелых работ. В сочетании с положительным атрибутом *веселая* (исходное значение: «жизнерадостный, находящийся в радостном настроении, склонный к веселью») метафорическая конструкция *могучая, веселая сила (Весны)* актуализирует ряд смыслов – начало, возрождение, расцвет и сила жизни.

В следующем фрагменте образ женщины-весны актуализируется при подключении культурно-маркированной языковой единицы: *Весна в Баклань*

всегда **приходит ударная**. Развезет в три недели, растопит снега, гонит воду, высушит дороги, и, глядь, – по косогорам, на солнечной стороне, уже зеленеет травка [13, с. 295]. Прилагательное «ударный» имеет два исходных значения – 1) «соотносящийся по знач. с сущ.: удар, связанный с ним»; 2) «передовой по выполнению плана», «такой, когда работа ведется особенно напряженно». В советский период были широко распространены агитационные плакаты, формировавшие патриотические и морально-нравственные качества людей. Лексема «ударный» относится к числу советских позитивизмов и подчеркивает патетический характер пропагандистских лозунгов: «**Ударную** уборку большевистскому урожаю» (Ворон М. А., 1931), «**Работницы-ударницы**, крепите ударные бригады» (Кулагина В. Н., 1931), «**Привет ударницам** – знатным людям великой советской страны» (Шубина Г. К., 1935). Так, смысловая емкость лексемы *ударная* навязывает адресату определенную канву декодирования метафорической номинации *весна ударная* и воссоздания центральной пресуппози-

ции цельного текстового фрагмента. Метафорическая номинация, с одной стороны, репрезентирует эталонный образ девушки-активистки, ударницы труда, с другой, актуализирует идею быстротечности весенних процессов.

Данные контексты авторского описания весны как времени года формируют единую модель метафорического уподобления «весна – это женщина», в сферу действия которой притягиваются единицы антропоморфной лексики, актуализирующие семантические признаки «возраст», «внешность», «внутренние качества и поведение». При этом традиционные женские роли матери, жены и хозяйки сливаются в образе женщины-труженицы, воплощая национально-культурные стереотипные ассоциации с отпечатком субъективных представлений автора о женском идеале. Таким образом, в произведениях В. М. Шукшина базовая метафора ВЕСНА – ЭТО ЖЕНЩИНА является продуктивным источником, обеспечивающим множественность и вариативность индивидуально-авторских метафорических конструкций в процессе текстообразования.

Список литературы

1. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 358–386.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс. Вступительная статья // Теория метафоры. М., 1990. С. 5–32.
3. Маругина Н. И. Смысловая структура ключевой текстовой метафоры «Собачье сердце» в аспекте текстового функционирования (на материале повести М. А. Булгакова «Собачье сердце») // Язык и культура. 2008. № 1. С. 22–37.
4. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2005. 257 с.
5. Резанова З. И., Комиссарова О. В. Метафора в моделировании гендерных оппозиций: методика, анализ, типология // Язык и культура. 2012. № 2 (18). С. 80–90.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М., 2004.
7. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. 176 с.
8. Резанова З. И., Катунин Д. А., Мишанкина Н. А. Метафорическое моделирование в языковой картине мира (к обоснованию методов исследования) // Вестник Томского гос. ун-та. 2003. № 277. С. 164–171.
9. Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 кн. Книга третья: Странные люди. М.: Надежда-1, 1998. 528 с.
10. Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 кн. Книга первая: Охота жить. М.: Надежда-1, 1998. 510 с.
11. Шукшин В. М. До третьих петухов: рассказы и повести. М.: Прозаик, 2010. 509 с.
12. Шукшин В. М. Светлые души: рассказы. М.: Прозаик, 2009. 512 с.
13. Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 кн. Книга четвертая: Любавины. М.: Надежда-1, 1998. 542 с.
14. Шукшин В. М. Крепкий мужик: рассказы. М.: Прозаик, 2009. 528 с.
15. Этимологический словарь русского языка / под ред. Н. М. Шанского. М.: Изд-во Московского ун-та, 1963–1980. Т. 1–8.
16. Резанова З. И. Метафора в процессах миромоделирования в языке и тексте // Известия Томского политех. ун-та (Известия ТПУ). 2002. Вып. 4: Язык и межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. С. 74–83.
17. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Астрель, АСТ, 2000.
18. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1997. 768 с.
19. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. URL: <http://enc-dic.com/kuzhnev> (дата обращения: 23.01.2017).
20. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981–1984. Т. 3. 752 с.
21. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1998. Т. 3. 555 с.
22. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка: Более 2 000 антонимических пар / под ред. Л. А. Новикова. М.: Рус. яз., 1984.
23. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
24. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: в 3 т. / гл. ред. П. А. Клубков; рук. проекта С. И. Богданов. М.: СПб.: ВЛАДОС: Изд. Филол. фак. С.-Петербургского гос. ун-та, 2002. Т. 2: 3–П. 720 с.

25. Месяцеслов. Традиции, обычаи, приметы и советы на каждый день / под ред. О. В. Степкиной. М.: РИПОЛ Классик, 2010.
26. Третьякова О. В., Тверитинова Н. В. Русский народный календарь: обычаи, поверья, приметы на каждый день. М.: Астрель, 2012. 608 с.
27. Юный натуралист. 1971. № 3. С. 17.
28. Юный натуралист. 1971. № 4. С. 23.
29. Юный натуралист. 1970. № 4. С. 18.
30. Тютчев Ф. И. Жизнь природы там слышна: стихи. М.: Планета, 1979. С. 118.
31. Жуковский В. А. Стихотворения. Баллады. Сказки. М.: Эксмо, 2014. С. 98.
32. Про Иванушку-дурачка. Русская народная сказка в обработке М. Горького. М.: Малыш, 1990. 15 с.
33. Толстой А. Хождение по мукам / изд. Г. Н. Воронцова. М.: Наука, 2012. 478 с.
34. Успенский Э. Самые важные стихи. М.: АСТ, 2016. С. 23.
35. Брагина Н. Г. Социокультурные конструкты в языке. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2005.
36. Кобозева И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник МГУ. Серия 9 (Филология). 1995. № 3. С. 102–117.
37. Человек как субъект и объект восприятия: фрагменты языкового образа человека / Борейко Т. С., Гейко Е. В., Литвиненко Ю. Ю., Федяева Н. Д., Штехман Е. А. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. 161 с.

Бурмакова Елена Анатольевна, аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, 634050). E-mail: bea83@list.ru

Материал поступил в редакцию 31.03.2017.

DOI: 10.23951/1609-624X-2017-7-25-31

TEXT ACTUALIZATION OF BASIC METAPHOR «SPRING IS A WOMAN» (ON THE MATERIAL OF V. M. SHUKSHIN'S LITERARY WORKS)

E. A. Burmakova

Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

Now there is a great emphasis on situating metaphor studies within broad, comprehensive models of human cognition, communication, and culture. As any language is anthropocentric, and in any language, there are metaphors that perceive objects, animate or inanimate, as persons. Metaphors ascribing human characteristics to non-human entities are defined anthropomorphic and can be viewed as a formula NATURE IS MAN, where we have NATURE for the target domain, and MAN for the source domain. In literary texts the anthropomorphic metaphor is considered as one of the most productive metaphor type due to the author's subjective perception of the surrounding world. The ubiquity of the anthropomorphic metaphor demonstrates that the key metaphorical schema NATURE IS MAN can be broken down into lower-level, specific schemas bringing to the various aspects of the concept MAN (appearance, traits of character, feelings, aural perception, intellectual functions, physical activities, age, body etc.) and the concept NATURE (natural objects and phenomena, seasons, times of day etc.). The present paper is aimed at showing generating power of the basic metaphor «SPRING IS A WOMAN» in Shukshin's writings. The corpus of original metaphorical expressions as the examples for the analysis illustrates the modeling potential of the anthropomorphic metaphor. Created by the culture and embedded in the literary texts by the author it is used to perform, and present new dimensions of the picture of the world.

Key words: *anthropomorphic metaphor; basic metaphor; modeling of the world, literary text, spring, woman.*

References

1. Earl R. MacCormac. *A Cognitive Theory of Metaphor*. MIT Press, Cambridge (Mass.). London, 1985. Part I (pp. 9–22), Part II (p. 42–43; 46–50). (Russ. ed.: Arutyunova N. D. *Kognitivnaya teoriya metafory*. Moscow, 1990. Pp. 358–386).
2. Arutyunova N. D. *Metafora i diskurs. Vstupitel'naya stat'ya* [Metaphor and discourse. Introductory article]. *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow, 1990. Pp. 5–32 (in Russian).
3. Marugina N. I. Smyslovaya struktura klyuchevooy tekstovoy metafory «Sobach'e serdtse» v aspekte tekstovogo funktsionirovaniya (na materiale povesti M. A. Bulgakova «Sobach'e serdtse») [The structure of the key textual metaphor "Dog's heart" (on Bulgakov's story)]. *Yazyk i kul'tura – Language and culture*, 2008, no. 1, pp. 22–37 (in Russian).
4. Chudinov A. P. *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* [Metaphorical puzzle in contemporary political communication]. Ekaterinburg, 2005. 257 p. (in Russian).
5. Rezanova Z. I., Komissarova O.V. *Metafora v modelirovani gendernykh oppozitsiy: metodika, analiz, tipologiya* [Metaphorical modeling of gender opposites: methods, analysis, typology]. *Yazyk i kul'tura – Language and culture*, 2012, no. 2 (18), pp. 80–90 (in Russian).

6. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 241 p. (Russ. ed.: Baranov A. N. *Metafora, kotorymi my zhivem*. Moscow, 2004. 262 p.).
7. Teliya V. N. *Metafora kak model' smysloproizvodstva i ee ekspressivno-otsenochnaya funktsiya* [Metaphor as a model of creating meaning and its expressive function]. *Metafora v yazyke i tekste – Metaphor in language and text*, Moscow, 1988. 176 p. (in Russian).
8. Rezanova Z. I., Katunin D. A., Mishankina N. A. *Metaforicheskoye modelirovaniye v yazykovoy kartine mira (k obosnovaniyu metodov issledovaniya)* [Metaphorical modeling in Language world picture]. *Vestn. Tomskogo gos. un-ta – Tomsk State University Journal*, 2003, no. 277, pp. 164–171 (in Russian).
9. Shukshin V. M. *Sobraniye sochineniy: v 6 knigakh. Kniga tret'ya: Strannye lyudi* [Collected works issued in six volumes. Vol. 3. Strange people]. Moscow, Nadezhda-1 Publ., 1998. 528 p. (in Russian).
10. Shukshin V. M. *Sobraniye sochineniy: v 6 knigakh. Kniga pervaya. Okhota zhit'* [Collected works issued in six volumes. Vol. 1. I want to live]. Moscow, Nadezhda-1 Publ., 1998. 510 p. (in Russian).
11. Shukshin V. M. *Do tret'ikh petukhov: rasskazy i povesti* [Till the third cocks: novels and short stories]. Moscow, Prozaik Publ., 2010. 509 p. (in Russian).
12. Shukshin V. M. *Svetlye dushi: rasskazy* [Men of one soil: short stories]. Moscow, Prozaik Publ., 2009. 512 p. (in Russian).
13. Shukshin V. M. *Sobraniye sochineniy: v 6 knigakh. Kniga chetvertaya: Lyubaviny* [Collected works issued in six volumes. Vol. 4. Lyubaviny]. Moscow, Nadezhda-1 Publ., 1998. 542 p. (in Russian).
14. Shukshin V. M. *Krepkiy muzhik: rasskazy* [The tough guy: short stories]. Moscow, Prozaik Publ., 2009. 528 p. (in Russian).
15. *Etimologicheskyy slovar' russkogo yazyka*. Pod red. N. M. Shanskogo [Etymology dictionary of the Russian language. Under the edition of N. M. Shanskiy]. Moscow, Moscow University Press Publ., 1963–1980, vol. 1–8 (in Russian).
16. Rezanova Z. I. *Metafora v protsessakh miromodelirovaniya v yazyke i tekste* [Metaphorical modeling of the world found in language and text]. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: teoreticheskiye i prikladnye aspekty* [Language and cross-cultural communication: theory and practice]. *Izvestiya Tomskogo politekh. un-ta (Izvestiya TPU) – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*, 2002, issue 4, pp. 74–83 (in Russian).
17. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Pod red. D. N. Ushakova [Explanatory dictionary of the Russian language. Under the editorship of D. N. Ushakov]. Moscow, Astrel', AST Publ., 2008 (in Russian).
18. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, AZ Publ., 1997 (in Russian).
19. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Pod red. A. S. Kuznetsova [Explanatory dictionary of the Russian language. Under the editorship of S. A. Kuznetsov] (in Russian). URL: <http://enc-dic.com/kuzhecov/> (accessed: 23 January 2017).
20. *Slovar' russkogo yazyka*. Pod red. A. P. Evgen'evoy [Dictionary of the Russian language issued in four volumes. Under the editorship of A. P. Evgen'eva]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1981–1984, vol. 3. 752 p. (in Russian).
21. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1998, vol. 3. 555 p. (in Russian).
22. L'vov M. R. *Slovar' antonimov russkogo yazyka: Boleye 2 000 antonim. par.* Pod red. L. A. Novikova [Antonyms dictionary of the Russian language. More than 2000 antonymic pairs. Under the editorship of L. A. Novikov]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1984 (in Russian).
23. Efremova T. F. *Novyy slovar' russkogo yazyka* [New dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000 (in Russian).
24. *Rossiyskiy gumanitarnyy entsiklopedicheskiy slovar'*. Gl. Red. P. A. Klubkov; ruk. proekta S. I. Bogdanov [Russian grammatical encyclopedic dictionary. Chief editor P. A. Klubkov; Project manager S. I. Bogdanov]. Moscow, Saint Petersburg, Philological Faculty of SPbSU Publ., 2002, vol. 2: 3–П. 720 p. (in Russian).
25. *Mesyatseslov. Traditsii, obychai, primety i sovetny na kazhdyy den'*. Pod red. O. V. Stepkinoy [Menology. Traditions, customs, examples and advice for everyday life. Under the editorship of O. V. Stepkina]. Moscow, RIPOL Klassik Publ., 2010 (in Russian).
26. *Tret'yakova O. V., Tveritina N. V. Russkiy narodnyy kalendar': obychai, pover'ya, primety na kazhdyy den'* [Russian folk calendar: traditions, superstition for everyday]. Moscow, Astrel' Publ., 2012. 608 p. (in Russian).
27. *Yunnyy naturalist* [Young naturalist]. 1971, no. 3, p. 17 (in Russian).
28. *Yunnyy naturalist* [Young naturalist]. 1971, no. 4, p. 23 (in Russian).
29. *Yunnyy naturalist* [Young naturalist]. 1970, no. 4, p. 18 (in Russian).
30. Tyutchev F. I. *Zhizn' prirody tam slyshna: stikhi* [Live of Nature can be heard: poems]. Moscow, Planeta Publ., 1979. p. 118 (in Russian).
31. Zhukovskiy V. A. *Stikhotvoreniya. Ballady. Skazki* [Poems. Ballads. Fairytales]. Moscow, Eksmo Publ., 2014. p. 98 (in Russian).
32. *Pro Ivanushku-durachku*. Russkaya narodnaya skazka v obrabotke M. Gor'kogo [About Ivan the Fool. Russian folk tale in the treatment of M. Gorky]. Moscow, Malyshev Publ., 1990, p. 15 (in Russian).
33. Tolstoy A. *Khozhdeniye po mukam* [Road to Calvary]. Moscow, Nauka Publ., 2012, 478 p. (in Russian).
34. Uspenskiy E. *Samye vazhnyye stikhi* [Vital poems]. Moscow, AST Publ., 2016, p. 23 (in Russian).
35. Bragina N. G. *Sotsiokul'turnyye konstrukty v yazyke* [Sociocultural constructions in language]. Moscow, the Pushkin State Russian Language Institute Publ., 2005 (in Russian).
36. Kobozeva I. M. *Nemets, anglichanin, frantsuz i russkiy* [The german, englishman, frenchman and the russian]. *Vest. MGU – MSU Vestnik*, 1995, vol. 5, no. 3, pp. 102–117 (in Russian).
37. Boreyko T. S., Geyko E. V., Litvinenko Yu. Yu., Fedyaeva N. D., Shtekhman E. A. *Chelovek kak sub'ekt i ob'ekt vospriyatiya* [Human as a subject of apprehension]. Omsk, OmGPU Publ., 2008. 161 p. (in Russian).